

УДК 347.725

**ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЕДИНОЛИЧНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА****Урубков Михаил Михайлович,**магистрант кафедры «Экономика, управление и право»
Ростовский государственный университет путей сообщения
Ростов-на-Дону, Россия
Urubkov01@mail.ru**Працко Геннадий Святославович,**д.ф.н., д.ю.н., профессор,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростов-на-Дону, Россия
grip@rgups.ru**Аннотация**

В исследовании анализируется проблема ответственности единоличного исполнительного органа в российских акционерных обществах, в частности, за убытки, причиненные действиями третьих лиц. В качестве критериев определения ответственности проанализированы принципы деятельности единоличного исполнительного органа. Делается вывод о том, что, несмотря на существующие опасения о «безграничной ответственности», правовые ограничители заложены в законодательстве и судебной практике, однако требуют более четкого и последовательного применения судами.

Ключевые слова: акционерное общество, единоличный исполнительный орган, фидуциарные обязательства, принцип добросовестности и разумности

PROBLEMS OF LIABILITY OF THE SOLE EXECUTIVE BODY OF A JOINT-STOCK COMPANY**Mikhail M. Urubkov,**master's Student of the Department of Economics, Management and Law,
Rostov State Transport University
Rostov-on-Don, Russia**Gennady S. Pratsko,**Doctor of Philology, Doctor of Law, Professor,
Rostov State Transport University
Rostov-on-Don, Russia

ABSTRACT

This study analyzes the liability of the sole executive body in Russian joint-stock companies, specifically concerning losses caused by the actions of third parties. The principles governing the activities of the sole executive body are analyzed as criteria for determining liability. The paper concludes that despite prevailing concerns about «unlimited liability», legal limitations are inherent in legislation and judicial practice; however, they require a more precise and consistent application by the courts.

Keywords: joint-stock company, sole executive body, fiduciary duties, the principle of good faith and reasonableness.

Российское корпоративное законодательство предлагает гибкую архитектуру управления, позволяя акционерным общества выстраивать свои исполнительные органы по нескольким моделям. Руководство текущей деятельностью АО может быть вверено единоличному исполнительному органу, комбинации единоличного и коллегиального исполнительных органов (правления, дирекции) или же передано внешнему управляющему – индивидуальному предпринимателю или управляющей организации[2].

Единоличный исполнительный орган (далее – ЕИО) – центральная и обязательная фигура в любой российской корпорации, согласно п. 3 ст. 65.3 Гражданского кодекса РФ, наделенная так называемой остаточной компетенцией[1]. Это означает, что в ведении руководителя находится вся текущая деятельность компании и любые вопросы, которые закон или устав прямо не отнесли к полномочиям общего собрания или совета директоров. Особую значимость этот принцип приобретает в компаниях с несколькими директорами: если устав не разграничивает их полномочия, предполагается, что каждый из них действует самостоятельно в пределах всей остаточной компетенции, согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25[3]. Такая широчайшая дискреция, с одной стороны, обеспечивает управленческую мобильность, а с другой – создает плодородную почву для оппортунизма и решений, идущих вразрез с интересами компании и ее участников. Ключевая задача корпоративного управления заключается в поиске разумного баланса: как ограничить эту власть, не парализовав при этом операционную эффективность.

Чтобы понять логику корпоративного управления, необходимо определить ключевые принципы, направляющие деятельность ЕИО. Из всего многообразия доктринальных принципов для руководителя, отвечающего за текущую деятельность компании, первостепенное значение имеют пять[8, с. 24-28]. Принципы управления выстроены в иерархию, где на фундаменте остаточной компетенции формируются правовые рамки решений. Принцип публичной достоверности придает действиям директора юридическую силу вовне, предполагая их законность до доказательства обратного и обеспечивая стабильность оборота[4]. Внутренним стандартом является принцип добросовестности и разумности (п. 3 ст. 53 ГК РФ), который обязывает директора действовать осмотрительно, в интересах компании, а не из личных мотивов[6, с. 32]. Директор несет ответственность за нарушение этой обязанности, но не за убытки в рамках нормального предпринимательского риска. Из этого вытекает принцип приоритета интересов корпорации над краткосрочными интересами отдельных акционеров[7, с. 139]. На вершине иерархии находится принцип независимости органов управления, создающий систему сдержек и противовесов, например, через запрет директору быть председателем совета директоров (п. 2 ст. 66 Закона об АО)[2]. Наиболее надежным инструментом для калибровки полномочий является устав, который позволяет акционерам определять

перечень сделок с «уставной экстраординарностью», требующих предварительного согласия или последующего одобрения коллегиального органа.

В последние годы российская правовая система стала свидетелем расцвета практики привлечения руководителей компаний к ответственности за нарушение их фундаментальной обязанности – действовать добросовестно и разумно в интересах своего юридического лица. Особую остроту и неоднозначность в эту практику вносит п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62, посвященный ответственности директора за действия третьих лиц – работников, представителей и контрагентов[4]. Эта норма выглядит полифоничной: с одной стороны, она устанавливает ответственность за выбор и контроль над всеми, кого директор привлекает к деятельности компании, а с другой – тут же пытается очертить справедливые границы этой ответственности. Возникает ключевой вопрос: где пролегает та грань, за которой директор, выполнивший свои обязанности, не должен отвечать за ошибки других?

Формулировка «ответственность за других» может ввести в заблуждение. В действительности директор отвечает не за чужое противоправное действие, а за собственное бездействие – за неисполнение своей персональной обязанности по надлежащему выбору контрагента, контролю за работником или построению эффективной системы управления в компании. Вредоносное действие работника или контрагента лишь становится катализатором, который выявляет этот изначальный управленческий провал руководителя. Фидуциарные обязанности директора, заимствованные из англо-американского права, включают в себя не только лояльность и заботливость, но и эту важнейшую надзорную функцию[8, с. 42]. Следовательно, если директор проявил должную осмотрительность, а убытки все равно возникли из-за ошибки конкретного исполнителя, оснований для привлечения руководителя к ответственности нет. Его ответственность наступает лишь тогда, когда он не принял мер по предотвращению ущерба или, после того как он был причинен, не предпринял шагов для его минимизации, например, не инициировал взыскание с виновных лиц.

Зачастую суды ограничиваются общими, почти декларативными формулировками, которые не дают ответа на главный вопрос: какие именно «необходимые меры» должен был предпринять директор, чтобы не допустить, к примеру, ошибок в бухгалтерском учете или нарушений в работе с акционерами?[5]. Такой подход фактически стирает саму концепцию надлежащего контроля, подменяя причину следствием: раз убытки наступили, значит, контроль был ненадлежащим. Эта логика превращает ответственность директора в объективное вменение и оставляет ему единственный безопасный путь – пытаться выполнять всю работу в компании самостоятельно.

Формирование более четких критериев должно начинаться с осознания, что нормативные предписания, например, об обязательной инвентаризации, устанавливают лишь минимальный стандарт заботливости. Разумный руководитель, исходя из специфики бизнеса, может и должен делать больше. При этом бремя доказывания своей добросовестности лежит на директоре, поскольку у него есть доступ ко всей информации о внутренних процессах. Однако это не освобождает истца от обязанности конкретизировать свои претензии – вместо абстрактных ссылок на «отсутствие должного контроля» он должен указать, какие именно разумные и ожидаемые действия не были совершены ответчиком.

Надлежащая модель контроля выстраивается через те же критерии масштаба деятельности и деловой практики. Создание в компании эффективной структуры, например, обособленной бухгалтерской службы, является выполнением обязанности по организации системы управления. Это, в свою очередь, логично снижает требования к уровню прямого контроля со стороны директора за каждым рядовым бухгалтером, поскольку предполагается, что надзор осуществляет руководитель подразделения и сама

система профессиональной кооперации. Контроль за представителями, напротив, должен быть более плотным, так как их действия напрямую приравниваются к действиям самого директора. Помимо текущего контроля, надзорная функция включает в себя и два других аспекта[7, с. 186]. Ответственность за выбор – это ответственность за предварительный контроль, за оценку контрагента, представителя или работника до начала сотрудничества. Ее основание – предвидимость убытков. Директор отвечает, если он привлек к работе лицо, чья недобросовестность или некомпетентность была очевидна или должна была стать очевидной при проявлении должной осмотрительности.

Ответственность за организацию системы управления наступает за системные, а не персональные просчеты. Нанять некомпетентного руководителя отдела – это ошибка выбора. Не создать сам отдел, хотя он был необходим для эффективной работы, – это ошибка в организации системы. Вершиной такого системного провала является, например, выдача генеральной доверенности с полномочиями, равными полномочиям самого директора, без какого-либо контроля и обоснования, что фактически создает условия для вывода активов.

Таким образом, опасения о «безграничной ответственности» директора преувеличены. Ограничители заложены в самом Постановлении № 62, но судебная практика пока не раскрыла их потенциал. Отсутствие четкого алгоритма анализа и склонность к упрощенному, проистцовскому подходу приводят к непредсказуемым решениям. Путь к справедливости лежит через наполнение абстрактных критериев конкретным содержанием и четкое разграничение ответственности за ненадлежащий контроль, ошибочный выбор и системные провалы в организации управления. Надлежащий выбор, контроль и организация системы управления – это и есть практическое наполнение надзорной функции директора. Привлечение его к ответственности за действия третьих лиц возможно лишь тогда, когда он не выполнил этот стандарт разумности и добросовестности, очерченный рамками деловой практики и масштабами его организации. В конечном счете, именно устав является краеугольным камнем в системе контроля за деятельностью единоличного исполнительного органа. Закрепление ограничений в этом учредительном документе обеспечивает максимальную правовую определенность и расширяет арсенал средств защиты интересов компании и ее участников.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015. № 140.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь. (Бухгалтерское приложение). 30.08.2013. № 34.
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.03.2021 № Ф06-1411/2021 по делу № А55-12867/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Абакумова Е. Б. Принципы добросовестности и разумности в корпоративных правоотношениях // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 4. – С. 32-40.

7. Степанов Д. И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. – М.: Статут, 2021. – 284 с.
8. Шиткина И. С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. – М.: Статут, 2022. – 316 с.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ (as amended on 31.07.2025) «On Joint-Stock Companies» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 1.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 30.06.2015. No. 140.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 30.07.2013 No. 62 «On Certain Issues of Compensation for Losses by Persons Who Are Members of the Governing Bodies of a Legal Entity» // Economics and Life (Accounting Supplement). 30.08.2013. No. 34.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 11.03.2021 No. F06-1411/2021 in case No. A55-12867/2019 // SPS «ConsultantPlus».
6. Abakumova, E. B. (2020). The Principles of Good Faith and Reasonableness in Corporate Legal Relations. Herald of Arbitration Practice, No. 4, 32-40.
7. Stepanov, D. I. (2021). Invalidity of Corporate Decisions: Articles on Problematic Issues. Moscow: Statut. 284 p.
8. Shitkina, I. S. (2022). Executive Bodies of a Business Company: A Monograph. Moscow: Statut. 316 p.